

ВОЙНА ЦЕНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖЪ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 41

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916

6 ОКТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

Д В А М І Р А.

„Предположено занять всё дома свиданій подъ квартиры для учащейся молодежи.“

Студентъ-математикъ (смущенно): — А... сколько же... стоитъ эта... ваша комната?

Хозяйка: — Десять рублей въ часъ.

— О, Боже! Это, значить, въ мѣсяць — 7200?!! Я зналъ, что жизнь вздорожала, но не настолько же?!

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОДЪ.

„Германская артиллерія испытываетъ большой недостатокъ въ снарядахъ“. (Изъ газетъ.)

Нѣмецкій артиллеристъ (пишетъ на снарядѣ): — „Многоуважаемые враги! Въ случаѣ, если прилагаемый снарядъ не разорвется — благоволите вернуть его обратно..“

ЗАГАДОЧНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

(Великосвѣтскій романъ.)

Плакали звѣзды.

* * *

Ровно шестьдесятъ лѣтъ графъ Кочерыгинъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ ходилъ къ врачамъ, и тѣ его посылали къ скульпторамъ; адвокаты давали ему рекомендательныя письма къ престижитаторамъ. Послѣдніе указывали, какъ на учителей жизни, на трамвайныхъ контролеровъ.

Но у графа были неизлѣчимые двадцать миллионѣвъ, и ему ничего не помогло. Шестьдесятъ лѣтъ онъ не могъ избавиться отъ этой болѣзни. Тогда онъ пошелъ къ медиуму.

Медиумъ выслушалъ его бумажникъ, постучалъ молоточкомъ по графской недвижимости и сказалъ, что нужно устроить спиритическій сеансъ.

Почувствовавъ чековую книжку въ графскомъ карманѣ, духи охотно пришли на помощь.

— Графъ, — сказалъ одинъ изъ самыхъ развязныхъ духовъ, — вамъ необходимо имѣть ребенка.

— Я — мужчина, — скромно отвѣтилъ графъ.

— Это поправимое обстоятельство, — послѣ нѣкотораго совѣщанія съ пріятелями посоветовалъ духъ, — необходимо найти мать для этого ребенка.

— Это выходъ! — поблагодарилъ графъ. — Спасибо за сообщеніе.

Мать вскорѣ нашлась. Хотя съ небольшими оговорками.

— Графъ, — сказала она, — вамъ требуется жена и мать для ребенка? Мужа я вижу. Гдѣ же ребенокъ?

— Будетъ, — конфузясь, прошепталъ графъ.

Новой знакомой графа очень понравился этотъ афоризмъ.

Съ этого момента и началась широкая великосвѣтская жизнь. Вихрь удовольствій и развлеченій, какъ объ этомъ принято говорить.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА

АРК. АВЕРЧЕНКО.

„ПОДХОДЦЕВЪ И ДВОЕ ДРУГИХЪ“.

Графиня сдѣлала визитъ акушеркѣ.

— Я хочу имѣть ребенка.

— Вы сдѣлали правильный шагъ, обратившись ко мнѣ, — съ достоинствомъ отвѣтила акушерка, — этотъ вопросъ я изучила хорошо. Вы чувствуете себя матерью?

— Особенно нѣтъ, а между прочимъ — да. Мнѣ нуженъ хороший симпатичный и воспитанный ребенокъ.

— Можетъ быть, вамъ нужно сразу приватъ-доцента по кафедрѣ греческой психологии? Обратитесь къ другому.

Другая была понятливѣе.

— У меня есть одинъ безработный ребенокъ. Къ сожалѣнію, онъ немного переросъ — ему двадцать четыре года. Ратникъ второго ополченія, но имѣетъ отсрочку.

— Дайте мнѣ просто свѣжаго ребенка.

— Дешеваго, или получше.

— Самаго дорогаго. Въ англійской упаковкѣ.

Черезъ нѣсколько дней графъ былъ обрадованъ извѣстіемъ, что у него будетъ наследникъ.

— Очень хорошенькій мальчикъ, — сладко говорила акушерка, — черненькій такой, щечки розовенькія и ножки болтаются.

— Болтаются? — умиленно спросилъ графъ.

— Честное слово. Двѣ ножки и обѣ болтаются. Сама видѣла.

— Какъ видѣла? Онъ же еще будетъ...

— А я видѣла, — упрямо настаивала акушерка. — Такого ребенка въ другомъ мѣстѣ меньше какъ за триста рублей не отдадутъ.

Графъ былъ очень изумленъ и поѣхалъ къ медиуму.

Духи начали смѣяться, потомъ вынесли резолюцію:

— Акушерка — медиумъ. Потому и видѣла.

— Ну разъ медиумъ, другое дѣло, — успокоеился графъ и почувствовалъ себя отцомъ.

Это ему очень понравилось.

Дома его ждала графиня съ готовымъ ребенкомъ.

— Сынокъ. Распишись въ получении.

Великосвѣтская жизнь стала протекать дальше.

Въ одно прекрасное утро, когда сыну стукнулъ восьмой годъ, онъ неожиданно сталъ говорить басомъ, сплевывать черезъ нижнюю губу и потребовалъ, чтобы ему подарили фунтъ махорки.

— Зачѣмъ тебѣ махорки? — съ ужасомъ спросилъ графъ. — Это нельзя. Это шокингъ.

— Эхъ ты, — присвистнулъ сынъ. — Что намъ, малярамъ: день работаль, два гуляль...

— Ты не мой сынъ — глухо вскрикнулъ старый графъ, — ты сынъ ломового извозчика.

— Нѣтъ, легковаго! — поправилъ молодой графъ.

— Нѣтъ ломового!

— Нѣтъ легковаго!

Въ споръ вмѣшалась графиня.

— Вы не правы оба, — ласково сказала она, тронутая ихъ непосредственностью, — онъ сынъ водовоза.

— Я же тебѣ говорилъ... — успокоилъ молодой графъ своего собесѣдника. — А ты споришь.

— Намъ нужно разводиться, — рѣшилъ графъ, — я не могу, чтобы мой сынъ сплевывалъ черезъ нижнюю губу.

— За это деньги платять, — напомнила жена. — Даромъ бы всякій каждый день разводился...

— Мамаша — она знаетъ... — поддакнулъ сынъ.

— Четыре милліона и восемь съ полтиной, — великосвѣтски настаивала графиня, — или я тебѣ по гробъ жизни неразлучная жена.

— Не при деньгахъ-съ, — сухо отвѣтилъ графъ, пошелъ на крутой берегъ рѣки, полчаса смотрѣлъ на воду, взмахнулъ руками и бросился.

Бросился онъ къ прокурору.

Три мѣсяца ловили его баграми лучшие адвокаты и наконецъ поймали.

* * *

Плакали звѣзды.

Арк. Буховъ.

Ж Е М Ч У Г Ъ.

Полоски сѣрапо бисера

Отъ неба къ землѣ.

Небо бѣлое — изсѣра,

И въ этой жемчужной мглѣ

Ваши губы, моя дорогая,

Такъ строги, такъ холодны — и вы такая чужая...

Меня пугаетъ

Этотъ бисерный день. Чѣмъ-то слезамъ подражая,
Слезы дождя васъ просятъ о счастья.

Но вы — вы не здѣсь, вы — въ отлетѣ;

Вы — будто корабль, чьи снасти

Готовы отдаться бурямъ;

Вы несете

Въ душѣ жажду побѣды надъ силой,

Какъ узникъ, узнавшій рѣшетки тюремъ.

И я, приникая къ рукѣ,

Которая никогда ни о чемъ не просила,

Которая въ одной короткой строкѣ

Умѣетъ сказать всѣ поэмы,

Забываю о томъ, кто мы, гдѣ мы —

И знаю одно: я люблю васъ. Пусть по серебрянымъ
лужамъ

Скачутъ горсти жемчужинъ,

Пусть день осенній не веселъ,

Пусть бисерный пологъ солнце навѣкъ занавѣсилъ,

Что мнѣ солнце?.. И кто въ мирѣ мнѣ нуженъ?..

Я люблю васъ. Я люблю васъ, царица жемчужинъ.

Лидія Лѣсная.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

„Театръ и Искусство“ приводитъ пятигорскую программу оперы М. М. Валентинова:

„Въ среду 13 іюля представлено будетъ: Евгений Онѣгинъ, лирич. сцена въ 3 д. и 7 к., пер. Сагайдачнаго. Муз. П. Чайковскаго“.

Что это такое за „пер. Сагайдачнаго“? Перевозка Сагайдачнаго, переплетъ Сагайдачнаго или переписка Сагайдачнаго? Вѣдь нельзя же предположить, что это — переводъ Сагайдачнаго? Опера пѣлась по-русски — съ какого же языка переводилъ Сагайдачный?

Эхъ, Сагайдачный, Сагайдачный! Добрый ты бувъ козакъ, доки не свыхнувся.

*

Въ прошломъ № „Нов. Сатирикона“ мы пародировали манеру газетъ давать интервью по поводу Шалапина съ кѣмъ попало.

Какъ будто въ подтвержденіе этого одна столичная газета приводитъ бесѣду по поводу нечаяннаго убійства Шалапинымъ бродяги — какъ вы думаете, съ кѣмъ?

Съ шофферомъ пѣвца!

— Я прекрасно помню, — рассказываетъ послѣдній, — что у Шалапина былъ только одинъ револьверъ, который онъ поручилъ другому шофферу отвезти въ Петроградъ.

Этотъ револьверъ сейчасъ находится здѣсь при нашемъ шоферѣ.

Рѣшительно не понимаю, поэтому, гдѣ Шалапинъ могъ добыть второй револьверъ?

Дѣйствительно, загадочно. Во всемъ свѣтѣ имѣется всего одинъ револьверъ, да и тотъ былъ въ карманѣ умнаго Шалапинскаго шофера...

Т. К.

Рис. Б. Антоновскаго.

ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ.

— Ка-акъ?! Я довѣрилъ вамъ свой лучший автомобиль, единственную жену и любимую собаку — и вотъ, что вы мнѣ приносите?!!

К О Н Т Р А С Т Ы.

Одни сжигаютъ себя на алтарѣ отечества, а другіе, подобравъ съ алтаря уголья, выгодно продаютъ ихъ.

КАКЪ ТА.

(Старые стихи.)

И у тебя печальные глаза,
Какъ и у той, которая далеко.
Въ нихъ та же страсть и скрытая гроза,
И тѣнь весны, ушедшей одиноко.

И у тебя такой же тихій смѣхъ...
Какъ и у той — изопнутыя брови.
Какъ у нея, покинувшей, — для всѣхъ
Холодный взглядъ и чуждость наготовѣ.

Еще горитъ душа святой мечтой
Вернуть ту страсть, которой нѣтъ названья.
Но позови — и я къ тебѣ, какъ къ той,
Приду отдать послѣднія желанья...

Арк. Буховъ.

ПОРосЕНОКЪ, ГУЛЯВШІЙ ПО ПЕТРОГРАДУ.

Глава первая.

— Я, мой другъ, пріѣхалъ къ тебѣ съ серьезнымъ предложениемъ. Прежде всего, вотъ... — Хоменко поставилъ на полъ корзину и, указывая на нее, спросилъ:

— Что здѣсь?

— Не знаю, — отвѣчалъ Васютовичъ, и по его лицу было видно, что онъ, дѣйствительно, не знаетъ.

— Посмотри.

Васютовичъ глянулъ и умилился.

— Батюшки мои! Поросенокъ! Неужели живой? Живой! Ей Богу, живой! Мамочка, ты моя родная, какъ же тебѣ плохо здѣсь! Ишь ты! Хрюкаетъ... Хрю-хрю! Хоменко, говори, гдѣ ты досталъ это сокровище?

— Бабушка изъ имѣнія прислала.

— Вынь его... Жалко, право жалко... Побѣгай, дружокъ, по комнатѣ, такъ, такъ!

— Хорошъ? — спросилъ Хоменко.

— Замѣчательнѣе... Звѣрюга, ты круглоносый! Какъ же ты забываешь мнѣ родныя Кузименки! Батюшки мои! Такъ вотъ у насъ по дворику...

— Подожди. Изліяннй послѣ. Я принесъ къ тебѣ этого поросенка съ предложениемъ: «купи». Конечно, я могъ бы отнестъ его мяснику, но, пусть лучше мнѣ заплатитъ тѣ же самыя деньги пріятель, а не какой-то мясникъ.

— Правильно.

— Къ тому же ты любитель сала и ветчины; откормишь поросенка, сала и колбасъ не оберешься. Настоящаго, розоваго душистаго сала!

— Ты истинный другъ. Сколько хочешь за поросенка?

— Полсотни.

Васютовичъ отсчиталъ деньги. Потомъ спросилъ:

— Все-таки мнѣ интересно знать, почему ты, такой же, какъ и я, любитель сала и ветчины, рѣшился продать поросенка?

— Очень просто. Если моя бабка сдуру воображаетъ, что я могу въ мебелированной комнатѣ выходить поросенка, то не могу же я въ угоду старухѣ цѣловаться съ поросенкомъ. Гдѣ я буду держать его? Въ комнатѣ? На залитомъ асфальтовомъ дворѣ?

Васютовичъ сразу нахмурился.

— Давай назадъ деньги! — холодно сказалъ онъ.

Хоменко свистнулъ

— Нема такого дурня.

— Это подлю, сударь.

— Да ну?

— Гдѣ я буду держать твою свинью? Гдѣ? Что у меня особенная квартира?

— Надо было раньше думать.

Васютовича передернуло.

— Какъ это вамъ понравится! — воскликнулъ онъ. —

Приноситъ человекъ въ мясопустное время поросенка, поетъ пѣсни о розовенькомъ (онъ проглотилъ слону) салѣ и требуетъ, чтобы я думалъ о томъ, гдѣ буду держать свинью!

— А ты продай, — бросилъ Хоменко.

— Кому?

— Я куплю.

— Ты?

— Ага. Я готовъ выручить пріятеля. Хочешь четвертной?

— Подлецъ, подлецъ! За родного брата даешь четвертной.

— Ты не ругайся. Помни, что я тебя выручаю.

— Давай назадъ полсотни. Не будь хамомъ.

— Ну, прощай.

Васютовичъ съ ненавистью посмотрѣлъ сначала на Хоменку, потомъ на разглядывавшаго рисунки на обояхъ поросенка, потомъ медленно подошелъ къ поросенку и съ неопишымымъ злорадствомъ ударилъ его по спинѣ.

— Давай двадцать пять! — сказалъ Васютовичъ.

Хоменко заплатилъ, спряталъ поросенка въ корзину и направился къ двери. На полдорогѣ остановился и спросилъ:

— Слушай... Не порекомендуешь ли ты кого-нибудь изъ своихъ пріятелей. Такихъ, что сало любятъ.

— Иди къ чорту. Стой. Пузыренко и Змѣгонь.

— Спасибо. Я такъ и скажу, что ты послалъ.

— Сколько угодно.

Глава вторая — сотая.

Глава сто первая.

Встрѣтились они черезъ мѣсяцъ на трамвайной ступенькѣ.

— Былъ у Пузыренки? — спросилъ Васютовичъ.

— Ага.

— Ну?

— Ничего. Пузыренко порекомендовалъ Гнатюка и Пантюшку, а Змѣгонь Кирилицу и Меоодицу, Гнатюкъ далъ адреса Исподнюка и Крандеюка, Крандеюкъ послалъ къ Гавруку и Ковтуну, а Гав...

— Много заработалъ?

— За вторую тысячу перевалилъ.

— А поросенокъ?

— А поросенокъ, братъ, вышелъ въ тиражъ. Выросъ; свиной сдѣлался. Уже не годится. Второго подыскиваю. Свины не надо ли?.. Дешево продамъ...

Евграфъ Дольскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

М. О. Меньшиковъ поставилъ для себя цѣлью всей жизни благородную задачу: уговорить германскаго императора Вильгельма Гогенцоллерна покончить жизнь самоубійствомъ:

Два года войны. Вотъ прекрасный случай для кайзера Вильгельма — сдѣлать красивый жестъ, тотъ самый, которымъ довольно часто заканчиваются пятыя акты трагедій. Найдется и мечъ, и револьверъ, которые охотно окажутъ ему эту маленькую услугу. Игра величайшаго въ истории актёра — не удалась. Не время ли сказать довольно!

Вотъ — Меньшиковъ и говоритъ...

Вообще я противъ самоубійства, но бываютъ исключительныя, позорныя, безвыходныя положенія, при которыхъ единственное средство избавиться отъ нихъ — это пожертвовать неопредѣленнымъ и, можетъ быть, ничтожнымъ остаткомъ жизни... Императору Вильгельму 57 лѣтъ. До срока, указаннаго Псалмопѣвцемъ, ему остается всего 13 лѣтъ, — меньше пятой части существованія. При томъ, эта пятая часть — самая безрадостная въ силу старости, болѣзней, потерь и разочарованій. Въдѣ теперь-то уже ясно, что великаго триумфа императоръ германцевъ никогда не получитъ даже среди своихъ единоплеменниковъ. За императоромъ Вильгельмомъ нѣтъ даже обаянія гениальнаго полководца и законодателя, какъ это было у Наполеона I. Если все взвѣситъ, то дѣйствительно приблизился моментъ, когда нѣмецкому императору можно воспользоваться фразой и жестомъ Нерона:

„Какой великій артистъ погибаетъ“.

Написалъ Меньшиковъ эту статью, напечаталъ, отчеркнулъ краснымъ карандашомъ, забандеролил, наклеилъ марку и послалъ въ Берлинъ, Вильгельму Гогенцоллерну въ собственныя руки.

Теперь сидитъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ копенгагенскихъ газетъ, когда сообщать, что Вильгельмъ по совѣту Меньшикова повѣсилъся.

Ученыхъ людей становится все меньше и меньше. Еще осталось нѣсколько могикановъ чистой науки, но и они ютятся то въ одномъ сиротливомъ культурномъ островкѣ, затерянномъ среди океана...

Островокъ этотъ — Журналъ „XX вѣкъ“.

Вотъ, напримѣръ, научное сообщеніе этого журнала о способѣ пользоваться живыми муравьями для скальванія (?) краевъ ранъ на тѣлѣ человека:

Съ этою цѣлью муравья саватываютъ пинцетомъ и приближаютъ къ ранѣ до тѣхъ поръ, пока онъ схватитъ края раны своими челюстями. Въ тотъ моментъ, когда муравей успѣлъ вонзится въ челюсти, ему быстрымъ движениемъ отрываютъ голову, послѣ чего челюсти продолжаютъ оставаться въ сжатомъ состояніи.

Это, повидимому, огромная, еще не изслѣдованная область: животныя, какъ хирургическіе инструменты.

Предположимъ, хирургу нужно отнять у больного ногу... Что же онъ дѣлаетъ? Беретъ небольшого тигра и быстро суетъ ему въ ротъ большую ногу; потомъ дергаетъ животное за хвостъ, оно быстро смыкаетъ челюсти — и большой дѣлается здоровъ.

Да... въ наши мясопустные дни мозги мало у кого есть...

ОПЕРА А. Р. АКСАРИНА.
„ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ“.

(Опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ,
муз. А. Т. Гречанинова.)

Та самая крыса, которая однажды выбѣжала на сцену. Народнаго дома въ „Борисѣ Годуновѣ“ и, сдѣлавъ нѣсколько туровъ передъ глазами изумленной публики, медленно въ перевалку ушла за кулисы — эта самая крыса была теперь удивлена больше всѣхъ.

— Сколько лѣтъ живу въ Народномъ домѣ — не слышала, чтобы за кулисами и на сценѣ стоялъ такой странный запахъ, — жаловалась она подругѣ.

Подруга — старое облѣзшее, умудренное опытомъ существо, — пожимала плечами и равнодушно отвѣчала:

— Что же тутъ удивительнаго: это пахнетъ новыми декорациями. Сегодня премьера.

— Не знаю. Не пробовала. Вкусно?

— Премьера? Съ моей точки зрѣнія — не особенно. А новыя декорации — сказать правду, не помню, какой и вкусъ у нихъ. Я вѣдь здѣсь всего пять лѣтъ.

— Да... — вздохнула первая крыса, свѣсивъ голову. — Много за это время воды утекло. Я успѣла съѣсть всю правую сторону декорации второго акта „Аиды“, ты обѣла „Пиковую даму“ такъ, что одни ключья висятъ... А теперь вотъ — новое все... Краской свѣжей пахнетъ. Гм... Декорации. Кто писалъ-то?

— Эвенбахъ.

— Не знаю. Не ѣла.

Помолчали, убитыя.

— Да... грустно. Если такъ будетъ продолжаться — придется переходить въ Маринскій театр: тихо, уютно и новыми постановками не обезпоятъ.

Та, что помоложе, подошла къ свѣжей декорации, откусила кусочекъ, пожевала — сплюнула.

— Ну, и пишутъ теперь — въ ротъ взять нельзя.

— А что?

— Сла

* * *

Объ оперѣ Гречанинова, можно сказать, что она очень музыкальна. Въ ней:

То флейта слышится,
То будто фортепьяно...

Настасья Микулишна.
(Г-жа Нѣгина.)

То Римскій-Корсаковъ,
то Глинка, то Бородинъ...

Въ третьемъ ряду слѣва жена громкимъ язвительнымъ шопотомъ укоряла мужа:

— Зачѣмъ ты меня привелъ сюда? Вѣдь знаешь, кажется, что я Римскаго — не перевариваю.

— Мамочка, да это не Римскій!

— Не Римскій... Оно и Бородинъ тоже, если вдуматься... Я, вообще, признаю только французовъ и итальянцевъ.

— Другъ мой, но это и не Бородинъ!

— Не Бородинъ?! Ну, хорошо. А ты думаешь, что я Глинки не слышу? Ты думаешь, Глинка не такой же Бородинъ, какъ Римскій-Корсаковъ?..

— Мамочка — Гречаниновъ это!

Дама притихла и, какъ крыса въ вопросѣ о декорации, неувѣренно прошептала:

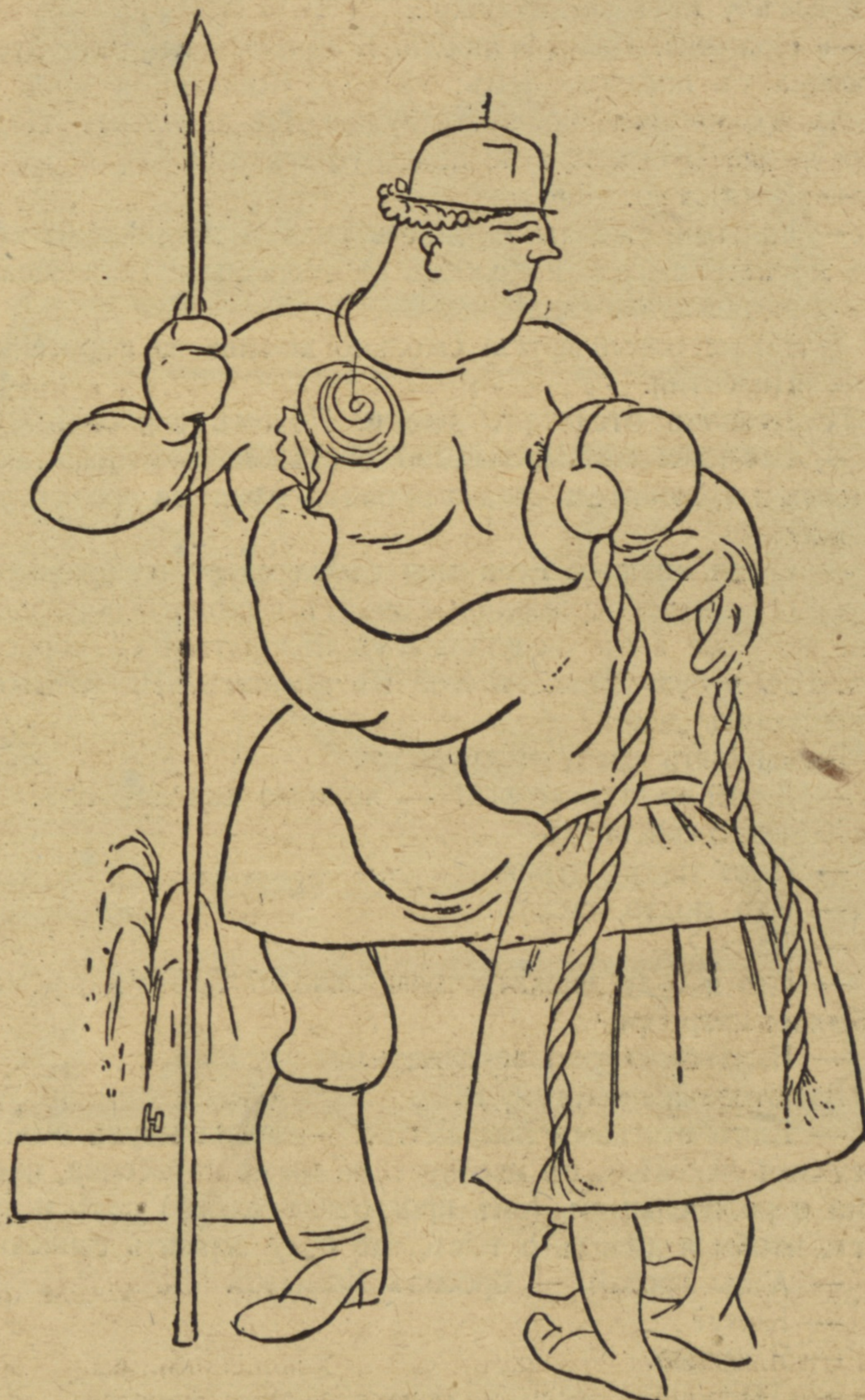
— Не знаю. Не пробовала.

* * *

Въ постановкѣ есть нѣкоторыя странности. Въ сценѣ обольщенія чародѣйкой Мариной Добрыни — эта пара прелестно забралась на диванъ въ глубинѣ сцены, а въ это время на сцену выбѣжало душъ сорокъ танцовщицъ, и вся компанія пустилась на первомъ планѣ въ такой оживленный плясъ, что на Марину и Добрыню публика перестала обращать вниманіе. Впрочемъ, влюбленнымъ это вѣдь только и нужно.

О танцахъ въ этой оперѣ можно отозваться только положительнымъ образомъ: танцовали очень долго.

Прекрасно пѣлъ Мосинъ (Алеша Поповичъ). Очень живописной красивой музыкальной Мариной была г-жа Петренко. Пѣть ей пришлось мало. Пироговъ — новая потеря Маринскаго театра и новое приобрѣтеніе Аксарина. Его Добрыня — суховатъ и скучноватъ, но грѣхъ тутъ лежитъ больше на [композиторѣ чѣмъ на пѣвцѣ. Пѣвецъ былъ всюду на своемъ мѣстѣ, кромѣ одного случая: когда онъ взобрался на лошадь и проѣхался по сценѣ. Не его это, Добрыни, специальность. Да и лошадь

Алеша Поповичъ
(Г-нъ Мосинъ.)

выпущена Аксаринымъ на сцену единственно отъ щедрости. Можно было бы и безъ нея...

* * *

Декораци не всѣ хороши. Первый актъ досадно напоминалъ псевдо-русскій ларецъ изъ кустарнаго магазина, а декорация второго акта была такъ плоха, что даже публика аплодировала. Зато очень пріятна декорация третьей картины — хоромы Марины. Это — лучшее въ постановкѣ.

Перемѣна третьей картины на четвертую произошла очень просто: вышелъ простой русскій человекъ въ фуражкѣ и, пользуясь полутьмой, вытянулъ изъ-за кулисъ за ручку высокія горы. Если и говорятъ, что вѣра двигаетъ горами, то только — вѣра въ то, что публика слѣпа. А публика, наоорптъ, все видѣла и уже не вѣрила, что горы настоящія. Такъ нельзя.

* * *

Автора вызывали такъ часто, будто хотѣли отвлечь его отъ работы надъ другой оперой.

Ave. Добрыня Никитичъ
(г-нъ Пироговъ.)

ТОВАРИЩИ-БЕЛЛЕТРИСТЧИКИ.

(Почти стенографическое.)

Какъ всякая счастливая мысль, и эта мысль зародилась одновременно у многихъ.

— Помилуйте! Устраиваютъ социалисты конференціи въ Швейцаріи? Устраиваютъ, и ничего! Чѣмъ же мы хуже?.. Намъ тоже нужна конференція... У насъ свои профессиональные интересы... Нужды всякія... Намъ необходимо собраться...

Думали, спорили, уславливались, и, наконецъ, въ нейтральной Швейцаріи, въ нейтральномъ Бернѣ, въ нейтральной гостинницѣ «Четыре Медвѣдя» состоялось первое засѣданіе «Международнаго конгресса военныхъ беллетристовъ».

* * *

Залъ засѣданія былъ богато декорированъ зеленью и цвѣтами, игралъ оркестръ духовой музыки, и суетились сбившіеся съ ногъ фотографы. Предсѣдателемъ конгресса было избрано лицо нейтральное. Оно зазвонило въ звонокъ, — и начались пренія.

Первымъ выступилъ нѣмецкій ораторъ.

— Господа, единеніе прежде всего! Наша профессія безусловно требуетъ полнаго единенія. У насъ общія цѣли, общія задачи, и все различіе между нами заключается только въ системѣ. Нѣмецкая система, — друзья мои, мнѣ не приходится хвалить качество нѣмецкихъ товаровъ, — сводится къ двумъ принципамъ: дешево и элегантно. Такъ хочеть кліентъ; а воля кліента, какъ и воля кайзера — высшій законъ. Мы, нѣмецкіе военные беллетристы...

Предсѣдатель прервалъ оратора и предложилъ ему держаться исключительно въ рамкахъ экономическихъ вопросовъ.

Слѣдующимъ ораторомъ выступилъ представитель Австріи; его рѣчь была выслушана со вниманіемъ.

— Товарищи, и въ литературѣ и въ военной беллетристикѣ необходимъ футуризмъ. Я футуристъ! Я плюю въ глаза сѣверу и югу и требую, чтобы вы отказались отъ старыхъ, ветхихъ предразсудковъ. Вы хотите описывать побѣды? Мы, австрійцы, будемъ прославлять пораженія. Вы воспѣваете геройство, мы — трусость. Что можетъ быть прекраснѣе и величественнѣе картины многочисленной арміи, сдающейся въ плѣнъ въ полномъ умѣ и твердой памяти!.. Мы откальваемся отъ васъ; вы — большевики, мы — меньшевики. Впрочемъ, если вы будете на насъ нападать, то мы, конечно, сдадимся и подыдемъ руки вверхъ!

Русскій военный беллетристъ занялъ кафедру бодро и

увѣренно. Попилъ воды, откашлялся, добросовѣстно высморкался и началъ:

— Ваши превосходительства, ваши преосвященства, милостивыя государыни и милостивые государи! Десять лѣтъ тому назадъ, помню, явились какъ-то въ редакцію «Вѣстника полтавской федеративной республики» какіе-то субъекты и заявили: «Мы, банщики нижегородскихъ бань»... Такъ вотъ я и говорю теперь:—Мы, русскіе военные беллетристы, много поработали за два года войны. Мы провели повышение заработной платы, мы повысили оплату женскаго и дѣтскаго труда, и даже поставили на очередь вопросъ объ обязательномъ страхованіи членовъ нашей корпораціи. На своихъ національных конференціяхъ, состоявшихся въ редакціяхъ еженедѣльныхъ журналовъ, мы выработали основные принципы военной беллетристики, единство сюжетовъ, — ничто не дѣйствуетъ такъ губительно на фабричную работоспособность, какъ разнообразный трудъ; мы добились постановленія, которымъ военные беллетристы лишены права жительства на фронтѣ, мы...

Рѣчь оратора была прервана возгласомъ съ французскихъ скамей.

— Виноватъ, дорогой коллега и союзникъ, вы забыли объ одномъ очень важномъ обстоятельстве. Въ окопахъ необходима любовь. Такая милая, чувственная любовь, съ красивымъ мобилизаціоннымъ адюльтеромъ...

Краткую, но содержательную рѣчь произнесъ представитель Греціи.

— Въ Греціи все есть. И губки, и маслины, и мрамаръ, и военные рассказы. Мы—нація нейтральная. У насъ все есть.

Представители Англій вошли съ протестомъ, обвиняя своихъ русскихъ товарищей въ томъ, что русскіе беллетристы, описывая англійскій флотъ, заставляютъ понапрасну гибнуть доблестныхъ англійскихъ моряковъ, принуждая ихъ раскуривать трубки въ подводныхъ лодкахъ, и тѣмъ самымъ обрекая на безвременную гибель весь экипажъ вышеупомянутыхъ судовъ.

Также былъ заявленъ протестъ противъ румынскихъ авторовъ, печатающихъ таблицы биржевыхъ цѣнъ на хлѣбъ подъ заголовкомъ «военные рассказы».

Послѣ перерыва португальскій депутатъ пытался прочитать большой романъ, описывающій подвиги португальскихъ войскъ. Но большинствомъ голосовъ чтеніе было отклонено, въ виду полнаго незнакомства собранія съ даннымъ вопросомъ. Португалецъ билъ себя въ грудь и рвалъ галстукъ:

— Почему имъ можно, а мнѣ нельзя?.. У насъ тоже война, у насъ тоже военные рассказы...

Делегатъ Турціи прочиталъ съ большимъ подъемомъ стихотвореніе Гейне «Два гренадера». Предсѣдатель, какъ личность нейтральная, указалъ ему на неумѣстность плагиата.

— Ми иначе не можемъ. У насъ все гѣрманское: и пушки и солдаты, и дэнги и писатели. Магометъ по-нѣмецки, Гэйнэ по-турецки...

Между болгарскимъ и нѣмецкимъ депутатами произошла крупная ссора; болгаринъ, воспользовавшись очереднымъ пятиминутнымъ отсутствіемъ своего союзника, выкралъ у него рукопись и успѣлъ снести ее въ ломбардъ.

Наибольшее впечатлѣніе произвело выступленіе военнаго беллетриста изъ Одессы.

— Слушайте! У насъ въ мамѣ-Одессѣ говорятъ «товарищи переплетчики». Такъ я таки сказалъ у Фанкони — «товарищи беллетристчики». Плюньте мнѣ въ борщъ, если лучшіе военные рассказы не изъ Одессы! У насъ есть въ Одессѣ одинъ редакторъ, который всѣхъ бьетъ, а другой редакторъ, котораго всѣ бьютъ. Нѣтъ, скажите мнѣ, господа, развѣ это не война?

... Пренія затянулись до поздней ночи.

* * *

Префектъ бернской полиціи получилъ тревожное извѣстіе. Его агенты донесли, что на территоріи Швейцаріи готовится крупный террористическій актъ: нѣсколько доведенныхъ до отчаянія читателей, различнаго возраста, пола и вѣроисповѣданія, намѣреваются взорвать адской машиной конгрессъ военныхъ беллетристовъ.

Были приняты мѣры, полиція арестовала злоумышленниковъ, а члены конгресса, благодаря тактичности префекта, даже не узнали о грозившей имъ опасности, которую они счастливо избѣгли.

«Счастливы владѣющіе» — говорили римляне. Въ переводѣ эта мудрая фраза гласитъ: «дуракамъ счастье».

Капитанъ Рупоровъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Геройство на фунты.

Какъ можно учесть героизмъ какой-нибудь націи? Этотъ вопросъ легко и нѣжно разрѣшили нѣмцы. Геройскихъ подвиговъ ими совершено 450 пудовъ. По вычисленіямъ берлинскихъ газетъ

по 29-е августа роздано 430 000 желѣзныхъ крестовъ, и всѣ они вѣсятъ семь съ половиною тоннъ! Одной ленты для подвѣшивания этихъ крестовъ пошло 140.000 метровъ, то-есть около 130 верстъ.

Если бы въ самомъ началѣ войны всѣ эти кресты навѣшать на самого кайзера, обмотавъ его при этомъ 130-ю верстами ленты — пожалуй, нѣмцамъ сейчасъ жилось бы лучше...

Простыя души.

„Утро Россіи“ рассказало трогательную исторію о мужичкахъ, работавшихъ въ большомъ имѣніи во Владимірской губерніи:

Крестьяне нанялись вывозить деревья изъ лѣса, на дрова.

Цѣна до сихъ поръ за эту работу была такая: восемь гривенъ рабочему безъ лошади, рубль — съ лошадыю.

По случаю войны, нехватки рукъ и вздорожанія кормовъ, мужики попросили прибавки.

— Сколько?

— Рубль двадцать положите на человѣка.

Возять. Черезъ недѣлю являются снова.

Снова прибавки просятъ, но въ дикой прогрессіи — говорятъ ужъ не о копѣйкахъ.

— Надо бы рубликъ.

Прибавили. Значить, теперь каждый возчикъ два рубля съ лишнимъ въ день.

Еще проходитъ недѣля.

И опять такая же исторія. Мужики не просятъ, а предлагаютъ:

— Если вдвое противъ прежняго платить будете, — будемъ работать. А не то — бросимъ...

Стали ждать слѣдующей недѣли.

Она оправдала ожиданія. Возчики снова пришли. Видъ у нихъ на этотъ разъ былъ почему-то очень смущенный.

— Прибавку надо бы...

— Еще? Больше четырехъ цѣлковыхъ получаете! Сколько же вамъ теперь?

Они замаялись. Отвѣтъ былъ неожиданный и классическій:

— Не знаемъ...

Управляющій изумился:

— Т. е. какъ вы не знаете? Кому же знать?

— Цѣны не знаемъ.

Совсѣмъ какъ въ фельетонѣ Арк. Аверченко:

— Почему продаете эти ботинки?

— Семьсотъ.

— Чего семьсотъ?! Что такое?

— Не знаю чего. Все равно. Или тысячу. Все равно.

Цѣлы нѣтъ.

И оба заплакали.

Какъ кто летаетъ.

Германія потому и погибаетъ, что въ свое время перегрузила себя вооруженіемъ. Эта же причина губитъ и отдѣльныхъ сыновъ Германіи:

Альфредъ Нойсъ, авторъ морскихъ очерковъ, помѣщаетъ въ „Daily Mail“ исторію объ англійскомъ летчикѣ, захваченномъ нѣмцами и вернувшимся на нѣмецкой машинѣ обратно въ Англию. Нѣмцы у него потребовали, чтобы онъ сдѣлалъ полетъ надъ англійскими водами, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ офицеромъ наблюдателемъ. Сперва онъ отказался, но потомъ раздумалъ и принялъ это предложеніе. Его компаньонъ сѣлъ на аэропланъ позади него, великолѣпно вооруженный, настолько великолѣпно, что это и погубило его. Траулеры и рыбацкія лодки въ Сѣверномъ морѣ были свидѣтелями страннаго зрѣлища. Непріятельскій аэропланъ началъ дѣлать въ воздухѣ мертвыя петли, странные скачки, метаться по сторонамъ. Продолжалось это съ полчаса, послѣ чего въ море съ громадной высоты упалъ какой-то мѣшокъ. Это былъ германскій офицеръ.

Англійскій летчикъ послѣ этого быстро направился къ берегамъ Англии и снизился на

КАВАЛЕРЫ, КОТОРЫЕ ПОДДЕРЖИВАЮТЪ.

— Недавно читалъ въ газетахъ, что въ балетѣ кризисъ: нѣтъ совсѣмъ кавалеровъ, поддерживающихъ балеринъ.

— Позвольте! А мы развѣ ихъ не поддерживаемъ? 12 тысячъ въ годъ — неужели это не поддержка?

родной почвѣ съ добычей — нѣмецкимъ быстроходнымъ развѣдочнымъ аэропланомъ.

До сихъ поръ мы полагали, что выбрасываніе балласта практикуется только на аппаратахъ легче воздуха. Но жизнь — вводитъ свои законы...

Блаженни кроткіе сердцемъ.

Есть еще люди, чистые сердцемъ...

Таковъ, на примѣръ, графъ Орловъ-Давыдовъ — обличитель и обвинитель артистки Пуарэ.

Вотъ отрывокъ изъ судебного отчета, окружающій графа свѣтлымъ лучезарнымъ ореоломъ:

Изъ перекрестнаго допроса выясняется, что уже послѣ подачи заявленія прокурору о преступленіи М. Я. Пуарэ графъ былъ у нея вечеромъ, бесѣдовалъ тамъ и слушалъ музыку. Въ день ареста онъ былъ у Пуарэ утромъ, прощаясь съ ней, поцѣловалъ ее и она его, и они другъ друга взаимно перекрестили.

Хитрый графъ. Милый графъ. Обаятельный графъ. Не знаемъ, какъ вы, читатель, но мы прямо влюблены въ эту свѣтлую музыкальную душу (еще бы — въ такой день пріѣхать и слушать музыку!).

И еще — о немъ же:

Свидѣтель адвокатъ Полюновъ удостовѣряетъ, что въ періодъ бракоразводнаго процесса графъ не только не высказывалъ своего намѣренія жениться на Пуарэ, но, наоборотъ, говорилъ, „я не такой дуракъ, чтобы жениться во второй разъ“.

Какъ извѣстно — графъ женился во второй разъ.

То-то и оно.

Не по коню, а по оглоблѣ.

Изъ газетъ:

„Въ виду обнаруженія подачи посѣтителемъ въ ресторанъ „Константъ“ крѣпкихъ напитковъ, градоначальникъ постановилъ: воспретить въ этомъ ресторанѣ музыку“.

А не проще ли было бы: запретить не музыку а напитки?

Селенить Леляновъ.

Недавно въ Петроградѣ въ одну лунную ночь произошелъ ужасный случай: съ луны свалился человѣкъ и, промелькнувъ въ воздухѣ, упалъ на тротуаръ, при чемъ ударился головой объ тротуарную тумбу. По разсмотрѣніи человѣкъ этотъ оказался городскимъ головой П. И. Леляновымъ.

Сотруднику „Петрогр. Листка“ этотъ селенить по вопросу о продовольствіи города отвѣтилъ буквально слѣдующее (Ново! Первый разъ въ этомъ городѣ):

— Я сужу по себѣ, — сказалъ онъ. — Вотъ у меня мясо почти всегда къ столу. Правда, кухарка ставитъ мнѣ въ счетъ по 1 руб. за фунтъ. Ну, да Богъ съ ней! Все же мясо у меня есть...

Обыкновенное-то мясо — теперь, конечно, есть у многихъ. А мозговъ почти не достать. Хотя бы бычьихъ.

Одна дама — вѣроятно родственница городского головы — говорила:

— Какъ это такъ — у мужиковъ, говорятъ, нѣтъ хлѣба. Пошли бы въ булочную Филиппова, купили нѣсколько батонновъ — вотъ и есть хлѣбъ...

Въ огородѣ бузина.

Одна кинематографическая фабрика публикуетъ:

„Мы заручились согласіемъ талантливой В. А. Мичуриной; она выступитъ въ пьесахъ Шекспира. В. А. Мичурина свободно владѣетъ англійскимъ языкомъ“...

Это все равно, какъ если бы о наѣздникѣ, умѣющемъ вольтижировать на лошади, съ гордостью написали, что онъ окончилъ ветеринарный институтъ.

Хонскій матеріаль.

Отрывки изъ программы гельсинфорскаго цирка:

Грандіозныя дресировки насвободѣ Цирка Чинизелли изъ Петрограда. Найдгагорднѣйшій хонскій матеріаль. Лошади дресированы въ группахъ и представляются извѣстнымъ дресировщикомъ Сигноромъ Кардинале.

Рис. Б. Антоновскаго.

СПЕЦИАЛИСТЪ.

Онъ: — Вы знаете, — я вамъ скажу по опыту: женщины легче переносятъ физическія мученія, чѣмъ мужчины...

Она: — А вы что же... докторъ?

— Нѣтъ. Я сапожникъ.

Представленіе финскихъ артистовъ Брагевъ Шарльсъ. Двойное бамбуковое представленіе.

Хорошо, если бы составителю программы было сдѣлано бамбуковое представленіе. Даже двойное.

Загадочное.

Нѣмцы попали въ заколдованный кругъ: наступилъ картофельный голодъ вслѣдствіе отсутствія рабочихъ рукъ для уборки.

- Почему у васъ картофельный голодъ?
- Ртовъ много, картофеля не хватаетъ.
- Почему же вы не садите больше?
- Народу мало, рукъ не хватаетъ.

Выходитъ такъ, что ртовъ въ Германіи больше, чѣмъ рукъ.

По анатоміи человѣка, казалось бы, наоборотъ.

Почти одно и то же.

Переводъ съ французскаго на русскій:

Одной московской кинофабрикой инсценированъ и поставленъ романъ Альфонса Додэ „Ароматъ грѣха“. Какъ извѣстно, у Додэ романъ этотъ названъ „Маленькій приходъ“.

Вѣроятно, если эта фабрика будетъ инсценировать знаменитую англійскую легенду о леди Годива, то картина будетъ названа не менѣе подходяще:

— „Не ходи же ты раздѣтая!“

ДИТЯ ВЪКА.

Мать: — Что ты сейчас дѣлала?

Дочь: — А я зарывала въ землю цвѣточного горшка тотъ рубль, что ты мнѣ дала...

— Почему?!!

— А я прочла въ газетѣ, что теперь капиталъ лучше всего помѣщать въ домахъ или въ землѣ.

ПРЕМЬЕРЪ.

Каждый день получаетъ надушенные записки.

Всегда его ждутъ на какое-то свиданіе.

Къ нему ходятъ дамы, барышни, гимназистки.

Изъ уборной часто доносится чье-то «заглушенное рыданіе».

На письма онъ никогда не отвѣчаетъ —

Лѣнь купить хорошій письмовникъ,

На свиданія ходитъ, но самъ ихъ не назначаетъ.

Онъ — первый любовникъ.

Лидія Л.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССИИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ
„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX	10 шт.	отъ 40 к. — 1 р.
KNEOIVE	10 шт.	отъ 20 к. — 60 к.
CLASSIC	10 шт.	отъ 20 к. — 60 к.
АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ	фунтъ	отъ 5 р. — 15 р.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.
„САФО“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.
„DARLING“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

Т-во А. Ж. Богдановъ и Ко.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫМ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА. БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ И ДРУГІЕ НЕКРАСОТЫ ЛИЦА.

Cazim

КАЖДЫЙ САМЪ СЕБЪ НИЩІЙ.

... За быструю ъзду въ автомобиль — 3000 рублей штрафа.
За поднятіе верха экипажа 3000 руб.
За распитіе водки 3000 руб.
За отсутствіе фонаря на экипажѣ 3000 руб.
и т. д., и т. д.

Изъ Одесскихъ обязательныхъ постановленій.

Одесситы экспансивны, какъ цыгане, но рассчетливы, какъ французы.

Они, наприимѣръ, не позволяютъ себѣ роскоши, выѣхать въ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ, зная, что за это надо платить 3.000 штрафа.

Но я видѣлъ одного одессита, который прожилъ одинъ день красиво и пышно, богато и оригинально.

Правда, ночью застрѣлился, но этотъ день былъ имъ прожитъ, какъ сказка, какъ феерія среди сѣрыхъ, точно кадетская партійная газета — будней.

Онъ подѣхалъ къ Робина въ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ, вынулъ 3.000 и вручилъ городовому здѣсь же...

Поднятый верхъ стоилъ 3.000 руб.

Въ кафе онъ съѣлъ пирожокъ съ мясомъ. Такъ какъ день былъ мясопустный, онъ тутъ же уплатилъ 3.000 и пять копеекъ.

Вынулъ изъ кармана бутылочку и налилъ рюмку водки.

Потомъ подозвалъ городского:

— За 2 рюмки вдвое?

— Такія та же самая.

— Хорошо. Тогда я выпью еще рюмку и плачу 3.000.

Получите.

Подозвавъ автомобиль, этотъ безумецъ снялъ съ него жестяную табличку съ номеромъ и приказалъ шофферу:

— На Малый Фонтанъ!

— Есть. Но...

— Плачу я.

Посреди Малогофонтанской дороги его остановилъ околоточный, которому онъ тутъ же вручилъ 6.000.

— Не перепутайте: 3.000 за быструю ъзду и 3.000 за отсутствіе номера. Прежде это стоило всего 25 рублей, но, принимая во вниманіе общее вздорожаніе жизни, это не дорого.

Вернувшись домой, безумецъ призвалъ дворника и сказалъ:

— Набавить квартиранту изъ 17 номера 12 руб. въ мѣсяць.

Дворникъ оторопѣлъ, но хозяинъ еще усилилъ его недоумѣніе:

— А вотъ 3.000, занеси въ участокъ, да не давай псарю, а приставу въ руки подъ росписку. Скажи за увеличеніе цѣны на квартиру... Пшелъ...

Потомъ началось настоящее безуміе, неудержимый порывъ сказочныхъ тратъ.

Одесситъ игралъ въ «четверку», заплативъ 3.000 штрафа.

Ѣздилъ по морю, сидѣлъ на бульварѣ позже 8 часовъ

вечера, наконецъ, поговорилъ съ пріятелемъ по телефону на еврейскомъ языкѣ. На то онъ былъ одесситомъ.

Это стоило тоже 3.000...

Поздно ночью онъ застрѣлился. Но предварительно подсчиталъ, сколько имъ прѣжито за этотъ день.

Вышло около 48 тысячъ...

У него осталось еще 2 тысячи 37 копеекъ.

Онъ положилъ ихъ на столъ, написалъ записку:

«За ношеніе револьвера полагается 3.000 тысячи штрафа... 999 р. 63 коп. за мной.

И бахнулъ себѣ въ високъ...

А вы на землѣ проживете, какъ черви слѣпые живутъ, безъ штрафовъ.

Вся Одесса удивлялась, восторгалась и сходила съ ума отъ этого безумно красиваго, съ шикомъ прожитаго дня.

Одесса говорила:

— Онъ же былъ миллионеромъ: у него же было своихъ 50 тысячъ рублей!

Борись Флитъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Нарва. — М. Ульянову. — А. Бѣлову. — В. О Демону. — не подошло.

Н. Лап—кину. — Судя по нѣкоторымъ даннымъ Лап—кинъ человѣкъ очень недовѣрчивый:

Я люблю твои десять пальчиковъ

И каждый день пересчитываю:

Всѣ ли десять?

Десять пальчиковъ, десять бокальчиковъ

И если пропадетъ хоть одинъ —

Пусть меня повѣсятъ*.

Быть настолько недовѣрчивымъ, что пересчитывать каждый день — всѣ ли пальцы на мѣстѣ у вашей возлюбленной — какъ это тяжело!

Впрочемъ, если когда-нибудь насчитаете вмѣсто 10 — семь пальчиковъ — не огорчайтесь. Значитъ, остальные три пошли для васъ же на какую-нибудь комбинацію...

Всѣ четыре стихотворенія не приняты.

И. К. Б. (Верейск., 7). — Для меня, — ласково пишетъ И. К. Б. — вашъ журналъ необходимъ, какъ воздухъ... И тутъ же И. К. Б. пытается испортить этотъ воздухъ своимъ рассказомъ о чиновникѣ, которому жена надѣла (?) самоваръ на голову.

Очковой змѣя. — Очковая змѣя ликующе сообщаетъ, что она очень хорошо умѣетъ складывать стихи*.

И умница. Старайтесь ихъ складывать, главнымъ образомъ, въ ящикъ своего письменнаго стола.

Б. Москва.

Г. Ку. — Лит. Б. — Другу Леши С. М. — Анатолю Б. — Анастасію Ф. — Оленину. — Не будетъ напечатано.

В. Провинція.

Воронежъ, Н. Кожикову. — Рига, Аркадину. — Автору стих. „Аккордъ лица“. — Неизвѣстно куда. — Жоржу Эсъ. — Вятка, Θεодосію П—ву. — Тверь, Эльену. — Мелипополь, Ленскому. — Рязань, Г. Г.

Все присланное не пойдетъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

4-й годъ
изданія.

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Типо-литографія Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

Петроградъ Дозволено военной цензурой. 27 сентября 1916 г.

ПРИЗРАКИ ТОТАЛИЗАТОРА.

Въ отвѣтъ на всѣ нападки по поводу ограбленія публики тотализаторомъ — скаковое общество указываетъ, что тотализаторъ устраивается для улучшенія конской породы.

1-я лошадь: — Смотри-ка, „Ласточка“, что это за фигуры висятъ?

2-я лошадь: — А это люди, которымъ не повезло съ улучшеніемъ конской породы!..